

● К 75-летию М. А. Шолохова

ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ ЧУВСТВА

В НАШИ дни мону-ментальное величие творчества Михаила Шолохова приобрело в глазах всего читающего мира значение не только литературного образца, но и непревзойденной художественной концентрации народного опыта, мудрости, нравственных принципов, духовной силы — всего того, что люди вкладывают в понятие школы жизни.

Шолоховская школа жизни стала непрерывно действующим фактором совершенствования человеческой личности. Сколько бы ни перечитывались вновь и вновь «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», очерки, военная и послевоенная публицистика, сердце читателя каждый раз по-новому откликается на зов такого знакомого и такого неисчерпаемого богатого, счастливо найденного и мастерски отграниченного слова!

«Над хутором оранжевым абрикосом вылезало солнце, под ним тлели, дымясь, облака. Резкий морозный воздух был насыщен сочным плодово-ароматом. Под колытами машана хрустел, подорожный ледок, пар сносился ветром от конских ноздрей назад, инеем оседал на гриве...».

Это Мохов едет в Ягодное. Вторая книга «Тихого Дона». И еще из той же книги, из пятой части романа:

«На бугре широко гуляли ветры. Было холодной. Казани молчали. Иван Алексеевич кутал лицо воротником тулупа. Дальний приближался лесок. Дорога, прокалывая его, выходила на курганный гробень. В лесу ручьи журчали. Ветер сносил с сосновых дубов золотую прозеленью узорчатые чешуйчатые плиты рябины. Где-то далеко стрекотала сорока. Она пролетела над дорогой, косо изогнула хвост. Ветер сносил ее, и в стремительном полете летела она, накренившись, мелькая рябым опереньем».

Как зримо, как осязаемо все в этой словесной живописи! Будто мы сами там, на этих дорогах, рядом с этими людьми...

Волшебство шолоховского слова, привлекающее полвека назад внимание Горького, стало предметом фундаментальных научных исследований литературоведов, лингвистов, специалистов в области эстетики, не только советских, но и зарубежных. И все-таки чудо остается рядом: никогда не иссякает и не ослабевает новизна чувств, пробуждаемых в нас поэтической речью великого мастера слова. Источник этого постоянного эмоционального обновления — в самой основе, в корневой глубине художественной структуры, в народной почве творчества писателя.

«Шолохов пишет только о том, что глубоко чувствует», — утверждал в 1940 году Алексей Толстой, — Читатель видит его глазами, любит его сердцем».

Писатель истинно народный. Михаил Александрович Шолохов из глубины трудовой жизни родного края с детства впитал живительные соки, вспоившие ту необычайную силу чувств и переживаний, которой так щедро наделены все его творения. Кажется, сама народная жизнь Дона избрала писателя своим глашатаям, сделала его гигантский труд своим мерилом. Не потому ли сам он, его многогранная общественная деятельность явились прекрасным воплощением жизни народа, образцом трудолюбия, мудрости, патриотизма, всепоглощающей силы таланта и мастерства?

МИХАИЛУ Александровичу Шолохову принадлежит особое место, особо выдающаяся роль в литературном процессе эпохи социализма. Гуманист, обостренно чуткий к добру и злу, гражданин, превыше всего ставший служению интересам Родины, партии, народа, он уже самой своей личностью оживлял принципиально новый тип художника и мыслителя, определял богатством редкой творческой одухотворенности высший уровень чувства, неразрывно соединяющего в себе общечеловеческое и классовое, партийное начала. Он создал в нашей литературной жизни атмосферу высокой требовательности, взыскательного отношения к идейному содержанию, отбору художественных средств, гражданской целенаправленности творчества.

Значение писательского подвига Михаила Шолохова далеко не исчерпывается общепризнанной ценностью написанных им восьми томов сочинений. Он утвердил в мировом общественном мнении беспрецедентную жизнестойкость литературы социалистического реализма, ее необоримую притягательную силу и победоносный дух созидания.

Торжество ленинских принципов партийности, народности литературы обрело в творчестве Шолохова столь наглядную убедительность, что даже ярые идейные противники нашей страны и нашей культуры были вынуждены умерить свой пыл.

Широко известный литературовед, доктор филологических наук К. И. Прийма, подытоживая свой многолетний труд — книгу «Тихий Дон» сражается», высказал совершенно справедливую мысль о том, что «М. А. Шолохов создал не только свой самобытный, неповторимый стиль, но и свою шолоховскую традицию и школу во всей советской и мировой литературе... Дело в том, что именно Шолохов и его «Тихий Дон», «Поднятая целина» и «Судьба человека» заставили многих и многих писателей, критиков, литературоведов в буржуазном мире пересмотреть свое отношение к методу социалистического реализма, в целом к советской литературе, и, наконец, признать их жизнестойкость и достоинство».

Еще в 1963 году, мне, тогда молодому поэту, выпало счастье общения с Михаилом Александровичем в кругу донских писателей, только что избранных в состав правления областной писательской организации. Если двумя словами определить его отношение к нам, встречающимся с ним в гостинице «Московской», и во Дворце культуры строителей, и в окружном Доме офицеров, то такими словами были бы: нежность и требовательность. Незадолго перед этим на страницах газеты «Литература и жизнь» были напечатаны знаменательные шолоховские строки о «донской роте в нашей литературе», которую «можно узнать по хорошему, мужественному шагу», и каждому из нас хотелось оправдать эту ободряющую оценку, делом ответить на доброе и взыскательное напутствие Михаила Александровича: «Мои земляки не обидятся на меня, если я напомню, (Окончание на 4-й стр.).»

(Окончание. Начало на 2 стр.).

Что читатели ждут от писателей нового слова о современности. Не должны бы обидеться они на меня и за совет совершенствовать мастерство. Слово, добываемое из недр могучего русского языка, каждый раз должно быть тем единственным словом, которое безошибочно находит путь к сердцу читателя».

Безошибочно! Как это на месте и как много этим сказано! Мне вспоминается июнь 1967 года, когда в станицу Вешенскую приехали молодые писатели Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, наша литературная молодежь из Москвы, Сибири, Поволжья, Казахстана, Псковщины, Вологодчины... Встречи, беседы с М. А. Шолоховым были для всех нас не только праздником, но и ответом на многие волновавшие каждого вопросы. Помнится, Лариса Васильева, Ольга Сулейманова, Василий Белов, польский писатель Роман Самсель, венгерский поэт Ференц Барани, немцы Иохим Кнаппе и Гюнтер Герлих, болгарин Георги Константинов подробно расспрашивали Михаила Александровича о его работе над новыми главами романа «Они сражались за Родину», о его отношении к разным литературным явлениям той поры, в частности к исповедальной прозе, к творчеству молодых прозаиков и поэтов. Шолохов отвечал неторопливо, спокойно, суммируя вопросы и ответы по внутренним взаимосвязям, давая уже самой манерой беседы великолепный образец вдумчивого, глубоко ответственного подхода к литературе. А

когда болгарский поэт Благой Димитров спросил, не считает ли Михаил Александрович, что молодой писатель имеет естественное право на ошибку, Шолохов заговорил очень оживленно, энергично, страстно, не оставляя никаких сомнений в своей внутренней убежденности: нет, не может быть такого права у писателя, каким бы он ни был — молодым или немолодым, потому что вслед за писателем ошибется масса его читателей, а такую ошибку исправить невозможно!

Как по законам индукции в магнитном поле возникает электроэнергия, так и магнетизм личности Шолохова пробуждает и усиливает в собеседниках энергию гражданского долга, чувство моральной и профессиональной ответственности за дело, которому служишь. Впрочем, эта мощная нравственная индукция не ограничена пределами сферы личных контактов. Присутствие Михаила Шолохова как писателя и как человека в наших мыслях, чувствах, в повседневном труде продолжает оказывать все то же воздействие благородства, цельности натуры, бескомпромиссной требовательности к себе, наконец, просто обаяния творца и созданных им сокровищ духовной культуры.

В ДЕКАБРЕ минувшего года мы с поэтом Игорем Кудрявцевым побывали в станице Вешенской, через которую пролегал двухнедельный маршрут областного агитпоезда по обслуживанию животноводов северных районов Дона. Первые морозцы прихватывали раскисшую от долгих осенних дождей землю. Ря-

било первым снежком, припорошившим рытвины и кочки. Когда приехали в Вешки, небо дохнуло оттепелю, по утрам туманилось Обдонец. Еще не совсем обнажившиеся деревья степенно покачивали верхушками вокруг шолоховского дома. Тогда-то и родились у меня стихи, которыми позволяю себе заключить это слово о Михаиле Александровиче Шолохове:

Предутренним туманом от реки
Дышала мне в лицо живая память.
Сквозь изморозь нечестные дымки
Скользили над станичными домами.
Над Вешенской царила тишина,
Не помышляли птицы о рассвете,
А свет уже струился из окна —
Рабочий свет в рабочем кабинете.
Не знаю, он писал или читал,
А может, размышленно предавался...
Он по-крестьянски день свой начинал —
Пораньше за работу принимался.
Вот так он твердой, молодой рукой
До ранней зорьки выправлял рассказы,
Потом стоял подолгу над рекой,
Волнуясь перед штурмом первой фразы...
Здесь начинался мелеховский двор...
Здесь проходила стая казачка.
Потом — гремели выстрелы в упор
И пыль вздымала бешеная скачка.
И влаивал обрез из-за плетня,
И пулемет косился срезом дульным,
И на исходе трудового дня
Встречали смерть Давыдов и Нагульнов...
Снимая гимнастерку по ночам,
Уже он думал гневно и сурово,
Как станет приговором палачам
Молчание Андрея Соколова.
А по степи родной все шли и шли,
С годами память не отдавая остуде,
Сыны донской кормилицы-земли
За Родину сражавшиеся люди.
Сменяла канонаду тишина,
Полынь, чебрец и донник пряно пахли,
Когда к последней роли Шкушина
Шагал неумывающий Лапахин...
Все было здесь. И остается здесь,
Принадлежит векам и миллионам,
И нет конца волнению сердец,
Омытых чистым шолоховским Доном.
Николай СКРЕБОВ.